

Материал предоставлен **Центром Генеалогических Исследований**

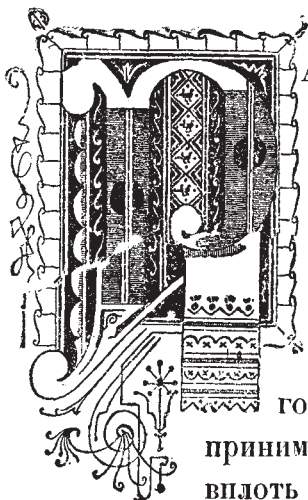
<http://www.rosgenea.ru>

**Центр
Генеалогических
Исследований**

ОЧЕРКЪ II.

НАСЕЛЕНІЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Природа и человекъ на Уралѣ.—Уральскій хребетъ.—Народныя ворота въ эпоху переселеній.—Историческія преданія.—Инородческое населеніе Западнаго Приуралья.—Вотяки, Пермьки и Башкиры.—Ихъ родина и племенные особенности.—Характеръ переселеній, мѣста остановокъ и условія современнаго расселенія.—Домашній и общественный бытъ; ихъ нравы и обычаи; язычество и христіанство.—Вліяніе на инородцевъ господствующаго класса русскихъ и взаимное вліяніе инородческихъ племенъ.

МАЗЛИЧНЫЯ финскія и тюрко-татарскія племена, во времена еще глубокой древности, двинулись изъ Сибири—съ Алтая, Байкала и другихъ мѣстъ—на западъ, направившись такимъ образомъ къ Уральскому хребту. перешли эти народныя ворота и потекли затѣмъ двумя руслами: одно имѣло направленіе на сѣверо-западъ, къ берегамъ Финскаго залива, другое же пролегло по южнымъ степямъ современной Россіи. О самомъ фактѣ переселенія, равно какъ объ его причинахъ—прямыхъ указаній не существуетъ. Только въ одномъ лѣтописномъ китайскомъ сказаніи говорится, что бѣлорусскій народъ, по имени Узупъ, который этнографы принимаютъ за финновъ, сначала поселился по верховьямъ рѣкъ Оби и Енисея вплоть до Байкальскаго озера, а потомъ былъ вытѣсненъ изъ мѣстъ своего жительства въ Киргизскую степь. Есть и другія, болѣе или менѣе баснословныя сказанія о переселеніяхъ этихъ племенъ. Нельзя, конечно, думать, что переселеніе многочисленныхъ финскихъ племенъ, обитавшихъ въ изобильной природными богатствами странѣ и достигшихъ извѣстнаго культурнаго развитія, могло совершиться добровольно. Всего вѣроятнѣе, что только послѣ долгихъ стѣсненій и безуспѣшной борьбы эти народы согласились промѣнять свои богатыя земли на дикія и пустынные мѣста тогдашней средней и сѣверной Россіи, гдѣ они и обитали. Племена финскія шли одно за другимъ,—Весь, Меря, Маря, Муромы и др., „заднія тѣсня переднихъ“.

Водь или вотяки (по лѣтописи отяки) изъ при-алтайской мѣстности, достигнувъ западныхъ предгорій Урала, раздѣлились: одна часть ихъ направилась до нынѣшней Петербургской и Новгородской губерній, гдѣ и теперь осталась весьма незначительная часть ея въ Ямбургскомъ уѣздѣ (Вотская Пятна); другая же часть Воды, выселившаяся, какъ можно думать, гораздо позднѣе, дошла до Прикаспійской степи и здѣсь поселилась преимущественно по р. Кумѣ, откуда уже позднѣе должна была переселиться сѣвернѣе въ предѣлы нынѣшней Ка-

занской и Вятской губерній. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ 1735 году, академикъ Миллеръ, путешествуя по Сибири, открылъ слѣды „аринцевъ“ или вотяковъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, о которомъ упоминаетъ и Страленбергъ. Миллеръ встрѣтилъ здѣсь единственнаго старика-аринца, пережившаго свое племя. Послѣдній говорилъ еще на своемъ аринскомъ языкѣ и сообщилъ, между прочимъ, что именовъ ари (шершень или пчела) прозвали ихъ сосѣдитатары и что предки его жили нѣкогда къ западу отъ р. Енисея, отъ устья р. Качи до пороговъ. Со словъ его Миллеръ записалъ цѣлое сказаніе объ изгнаніи аринскаго народа изъ своей родины змѣями, понимая подъ ними, конечно, враговъ-пришельцевъ. Вѣроятно, здѣсь, подъ давленіемъ своихъ враговъ монголо-татарскаго происхожденія, ари-вотяки покинули свои поселенія. Сами вотяки называютъ себя Удъ или Одъ-Муртъ. Удъ или Одъ есть собственное имя, а Муртъ—имя нарицательное, значитъ человѣкъ. Въ переводѣ Удъ-Муртъ аналогично съ нашимъ выраженіемъ „русскій человѣкъ“. Во времена Страбона эти Уды или Utii жили уже преимущественно по теченію р. Кумы, отчего рѣка эта въ древности называлась Удъдонъ. Переселеніе отсюда Удовъ, по всей вѣроятности, совершилось водою по р.р. Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, такъ какъ этотъ путь представляется всего естественнѣе; вотскія поселенія, встрѣчающіяся по этому пути, служатъ подтвержденіемъ этого. Самая главная масса вотяковъ поселилась по верхнему теченію р. Вятки и ея притокамъ, и лишь позднѣе отсюда они были оттѣснены черемисами и новгородскими славянами нѣсколько дальше на востокъ, даже въ предѣлы Пермской губерніи (Осинскій уѣздъ).

Древніе финны, по описанію римскаго историка Тацита, были народъ дикій, не имѣющій ни домовъ, ни коней, ни оружія, питавшійся травами, укрывавшійся отъ непогоды сплетенными вѣтвями, не боявшійся хищныхъ звѣрей и воли боговъ. У вотяковъ до сихъ поръ еще сохранилась любовь собирать различныя съѣдобныя травы и ѣсть ихъ въ сыромъ и вареномъ видѣ; лѣсъ они боготворятъ, и въ немъ мужчины проводятъ большую часть своей жизни. Плетеніе изъ вѣтвей процвѣтаетъ у нихъ и теперь.

Познакомимся теперь съ общимъ типомъ финновъ, типомъ вотяка и пермяка. Финны вообще низкорослы, ниже средняго роста. Шея у нихъ тонкая, грудь узкая и приплюснутая, руки длинныя, кисти рукъ широкія; тазъ широкъ по сравненію съ туловищемъ, ноги коротки, тонки, съ широкими ступнями. Волосы ихъ обыкновенно рыжеваты или желтоваты, изрѣдка русые; жестки и безъ блеска; они, какъ на головѣ, такъ и бородѣ, рѣдки. Голова почти всегда неправильно-угловата. Лобъ невысокій, нѣсколько опрокинутъ назадъ; носъ немного приплюснутъ, съ низкимъ переносьемъ; ротъ большой. Щеки впалыя; височныя кости выпуклы, скулы нѣсколько выдающіяся, подбородокъ острый. Глаза маленькіе, съ узкими прорѣзами, голубые и свѣтло-сѣрые, иногда каріе; у молодыхъ свѣтлые и чистые, у старыхъ сузившіеся, мутные, слезящіеся, съ припухшими и покраснѣвшими вѣками, что, конечно, отъ дыма и нечистоты. Носъ прямой съ небольшими ноздрями; губы маленькія; зубы финновъ быстро стираются; уши высокія и притомъ широки и плоски. Цвѣтъ лица бѣлый съ значительнымъ числомъ веснушекъ. Финны флегматичны, вялы и неповоротливы; физической силой не обладаютъ и отличаются слабой мускулатурой, за что русскіе прозвали ихъ сухопарыми и тонконогими. Походка ихъ сутуловатая, медленная. Въ лицѣ рѣдко встрѣтишь выраженіе ума, симпатіи; незамѣтно также веселости и игривости. Скорѣе здѣсь наблюдаемъ отпечатокъ тупости, скрытности и хитрости, чѣмъ отличается характеръ финна. Женщины еще некрасивѣе и грубѣе мужчинъ. Опѣ отличаются развитіемъ груди и живота. Въ старости вотячки совсѣмъ безобразны отъ свойственной имъ въ этомъ возрастѣ характерной желтизны. Не въ пользу вотяковъ говоритъ и общее здоровье ихъ, ихъ продуктивная способность и долговѣчность. Плохое питаніе, въ силу исконной привычки пренебреженіе гигиеническими условіями, страсть къ спиртнымъ напиткамъ, къ куренію табаку и, наконецъ, нечистоплотность — производятъ между ними многія болѣзни.

Одежда вотяковъ — мужчинъ зимой: шерстяной сукланъ или зипунъ, овчинная шапка, лапти поверхъ онучъ и ременный, покрытый мѣдными бляхами, поясъ, съ скобой для вкладыванія топора и ножа, безъ которыхъ вотяки никуда почти не выходятъ; лѣтомъ: шабуръ изъ толстаго холста, или просто одна рубаха съ портами, напускаемая на поясъ, и низенькая шерстяная шляпа, у молодыхъ перевиваемая лентами яркаго цвѣта. Одежда женщинъ, какъ зимою, такъ лѣтомъ, будничная та же, что и у мужчинъ, только рубаха ихъ длиннѣе и вычурнѣе расшита узорами, да вмѣсто шляпы голова у дѣвицъ покрывается платкомъ, а у женщинъ полотенцемъ, концы котораго, обыкновенно расшитые красной бумагой, спускаются за спиной и запусаются за тканый поясъ съ кистями. Въ праздничные же дни онѣ наряжаются въ ситцевыя платья и передники; на головѣ замужнія женщины носятъ аймонъ—конусообразный берестяной тюрикъ, обшитый платкомъ, увѣшанный со лба рядами серебряныхъ монетъ; на груди ожерелье изъ тѣхъ же денегъ. Дѣвицы носятъ тѣ-же деньги, въ сѣверной части уѣзда нанизываемыя просто на головномъ платкѣ со лба, и въ южной части на груди. Эти украшенія всегда даютъ возможность судить о зажиточности вотяковъ, такъ какъ богатые стараются навѣшивать какъ можно больше крупныхъ серебряныхъ монетъ, а бѣдные довольствуются часто оловянными крупными привѣсками.

Слѣды прежней кочевой жизни вотяковъ наблюдаются до сихъ поръ въ устройствѣ ихъ лѣтняго жилища—чума (квала). Чумъ—это кочевая палатка; здѣсь нѣтъ ни полу, ни потолка, ни другихъ принадлежностей избы. Вмѣсто печи посрединѣ чума устраивается очагъ, гдѣ на двухъ сошкахъ виситъ котелъ для варки пици. Скопляющійся отъ костра дымъ проводится въ отверстіе на крышѣ. Избы — по образцу русскихъ избъ, вотяки строятъ небрежно, въ пазахъ, между бревнами часто замѣчаются большія сквозящія щели, отчего рѣдко можно встрѣтить теплую вотскую избу. Неопрятность въ содержаніи какъ зимняго, такъ и лѣтняго помещенія—поразительна. Отъ непромываемаго грязнаго пола, отъ привычки вотяковъ не сдерживаться отъ извѣстныхъ животныхъ отравленій, отъ содержанія въ избѣ поросятъ, телятъ, куръ и другихъ животныхъ — распространяется по избѣ сильный запахъ зловонья, ѣдкій для глазъ и нестерпимый для носа. Около стѣнъ избы протянуты нары, на которыя набросаны грязные войлоки, подушки, перины и проч. Въ нарахъ хранятся дорогіе женскіе уборы и одежда. Полатей и полокъ, какъ у русскихъ, въ избѣ вотяковъ никогда не бываетъ; на всю избу поставленъ одинъ стулъ для отца семейства; въ переднемъ углу стоитъ столъ, на которомъ лежитъ, завернутый въ грязную скатертку, хлѣбъ, жбанъ съ квасомъ или сюкасемъ, какъ называютъ его вотяки. Въ одномъ углу у некрещенныхъ вотяковъ стоитъ обыкновенно лубяной коробъ, въ которомъ хранятся ложки, чашки, ножи, употребляемые для стола у жертвоприношеній. Сейчасъ у дверей налѣво обыкновенно битая изъ глины печь, которая служитъ только для печенія хлѣба, отчего и зимой она топится не каждый день. Все же остальное вотякъ предпочитаетъ варить надъ огнемъ въ чугунномъ котелкѣ.

Столъ вотяка самый неприхотливый. Особеннымъ лакомствомъ считается ячная каша (джукъ), приправленная кускомъ сала. О сочетаніи провизии для приготовленія какого-нибудь опредѣленнаго блюда здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Въ варево обыкновенно складываются всѣ тѣ овощи, а также остатки дичи, которые подвертываются подъ руку. Для каши они вывариваютъ гуся, утку, а чаще мясо зайчины или бѣлки, нерѣдко протухлой, обкладывая по краямъ чашки съ кашей. Къ любимымъ кушаньямъ принадлежатъ также толстыя лепешки изъ яровой муки или табанъ, которыя ѣдятъ съ масломъ или битымъ молокомъ — арьяль; послѣдній готовится изъ замороженнаго прѣснаго молока: ледъ скребуть и взбиваютъ, отчего получается масса, похожая на густыя сливки. Табанъ вотяки также ѣдятъ съ солеными грибами, запивая медомъ или кумышкой. Лучшимъ блюдомъ въ праздникъ вотякъ считаетъ сушенаго или копченаго гуся, обыкновенно истертаго въ порошокъ, или же варенаго зайца или бѣлку. Хлѣбъ пекутъ изъ ржаной или овсяной муки съ зольнымъ неприятнымъ вкусомъ; затхлый и

прѣсный хлѣбъ этотъ выходитъ у нихъ всегда недопеконъ, такъ что сильно липнетъ къ небу и зубамъ. Овощи вотяками вообще уничтожаются въ значительномъ количествѣ, особенно во время постовъ.

Заботы и хлопоты по хозяйству лежатъ всецѣло на вотячкѣ. Она выполняетъ значительную часть мужскихъ работъ, каково кормленіе скота, подвозъ сѣна, ѣзда за дровами и многое другое; флегматичный же вотякъ любитъ или сидѣть дома безъ дѣла, или же отправляется въ поле или лѣсъ, гдѣ проводитъ большую часть дня. Около дома онъ не приглядитъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ грозить серьезная опасность; притомъ онъ плохой плотникъ. Благодатная почва не требуетъ здѣсь удобренія, а потому навозъ не вывозится на поля и грудями ва-

Вотяки. (Фотографія съ натуры).

ляется по конюшнямъ, двору и околицамъ деревни. Уходъ за домашними животными самый плохой. Сбруя на лошадяхъ—самодѣльная. Это—мочальныя веревки, связанныя и перевязанныя узлами. У вотяка не бываетъ недостатка въ хлѣбѣ, потому онъ не знаетъ отхожихъ промысловъ. Вотякъ находится въ близкомъ общеніи съ природой: по различнымъ примѣтамъ своимъ, которыя онъ беретъ съ полета птицъ, съ крика животныхъ, съ лѣсу и воды, онъ заранѣе угадываетъ какова будетъ погода будущей весной и лѣтомъ—тепла или холодна, суха или сыра, потому такъ и готовится почва, такъ и разбрасываетъ свои сѣмена и весьма рѣдко обманывается. Выручаютъ вотскія примѣты и русскаго крестьянина; пользуются ими и судовщики и лѣсопромышленники для своихъ выгодъ—и говорятъ спасибо вотяку.

Вотякъ страстный охотникъ, но онъ до сихъ поръ пробавляется тѣми же первобытными орудіями, какія имѣли его отцы и дѣды. Еще ребятами они слѣдятъ за птицами и потому въ совершенствѣ знаютъ ихъ жизнь и нравы. Ищейскія способности, хитрость, лукавство, на-

стойчивость и терпѣливость—все это дѣлаетъ вотяка хорошимъ охотникомъ. Вотякъ-охотникъ хорошо подражаетъ крику и писку птицъ и кромѣ того запасается дудками и свистушками для рябчиковъ, тетеревовъ и утокъ; самый же распространенный способъ добыванія птицъ—силки, затяжныя петли изъ конскаго волоса, въ которыя заманивается птица на приманку. Изъ мелкихъ звѣрей вотяки охотятся за бѣлкой и зайцемъ, изрѣдка бьютъ и лисицъ и куницъ. Вотякъ бьетъ звѣря изъ ружья и ловить въ капканъ. Такъ какъ вотякъ сильно дорожитъ порохомъ и свинцомъ, то онъ малоцѣннаго звѣря бьетъ самымъ малымъ зарядомъ и вынимаетъ свинецъ изъ убитаго. Капканы разставляютъ вотяки довольно удачно. По набѣганному звѣремъ слѣду они вѣрно угадываютъ, когда и по какому направленію пойдетъ звѣрь, а потому какъ-разъ устроятъ ему засаду. Не мало критическихъ минутъ переживаетъ вотякъ во время охоты: то истощатся у него боевые запасы и онъ сложитъ въ ружье всѣ заржавѣвшіе гвозди, или же оборветъ всѣ оловянные бляхи на своемъ поясѣ, чтобы зубами приготовить изъ нихъ пули; то за ненастьемъ кремневое ружье откажется бить, и онъ начнетъ на разные лады продувать стволъ ружья, перевертывать такъ и сякъ кремень. На крупныхъ звѣрей, каковы медвѣди и волки, вотяки ходятъ рѣдко, и только большой недочетъ въ своихъ домашнихъ животныхъ заставляетъ выйти. Сначала они обыкновенно пытаются испугать звѣря и отогнать его отъ жилищъ и полей, ради чего поднимаютъ ужасный крикъ, стрѣльбу изъ ружей и стуканье топорами и дубинами по стволамъ деревьевъ. Видя же, что эти средства не помогаютъ, устраиваютъ, наконецъ, на волковъ облавы, на медвѣдя—полати.

Вотякъ большой любитель пчеловодства и ведетъ это дѣло успѣшнѣе русскаго; у нихъ нерѣдкость имѣть 100—150 ульевъ. Вотякъ въ этомъ дѣлѣ хороший практикъ и знаетъ, какъ обращаться съ пчелой какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Зимой онъ всегда во-время предупредитъ всѣ случайности, вредныя для здоровья пчелы въ своей пасѣкѣ, какъ-то холодъ, излишнее тепло и недостатокъ воздуха. Усердіе его въ отношеніи ухода за пчелой лѣтомъ примѣрное: онъ постоянно слѣдитъ тогда за жизнью пчелы, за ея дѣятельностью и трудами, потому заранѣе можетъ опредѣлить, сколько будетъ въ ульяхъ роевъ и сильны-ли они будутъ и т. д. Зоркій вотякъ не упуститъ отлета роя въ сторону и на этотъ случай приготовить во-время всѣ необходимые снаряды для отсаживанія пчелы въ другой улей. Если у вотяка мало пчелъ, онъ не лѣнится отыскивать ихъ въ лѣсу и пересаживаетъ въ свои ульи. Отсюда понятно, отчего вотякъ богатъ пчелой. Враги вотяковъ по разведенію пчелъ—медвѣди, но отъ нихъ вотякъ отдѣлывается особаго рода снарядами: чуркой и зыбкой.

Національный напитокъ вотяковъ—кумышка, которую они сами выкуриваютъ главнымъ образомъ осенью, и также передъ своими праздниками, которыхъ у нихъ до одиннадцати. Работа эта предоставляется женщинамъ, которыя гонятъ кумышку гдѣ-нибудь недалеко отъ деревни, при рѣчкѣ, посредствомъ самодѣльныхъ деревянныхъ снарядовъ, похожихъ на обыкновенныя винокуренныя, только въ миниатюрѣ. День и ночь женщина или дѣвушка сидитъ здѣсь и работаетъ. Каждая женщина въ семьѣ обязана сама приготовить себѣ кумышку и угощать ею гостей. Лучшая кумышка гонится дѣвушками и называется дѣвичьей. Крѣпостью она мало уступаетъ русской водкѣ низшаго сорта, но отзывается неприятнымъ сивушнымъ запахомъ и гарью.

Въ умственномъ отношеніи вотякъ такъ-же сонливъ и неповоротливъ, какъ и въ физическомъ. Однако нельзя не замѣтить, что иногда выдаются между ними умы чрезвычайно свѣтлые и что наблюдательность у нихъ весьма развита. Въ своихъ желаніяхъ вотякъ крайне ограниченъ, вполне довольствуется тѣмъ, что имѣетъ. Подъ гнетомъ обстоятельствъ и судьбы у него заглохли и силы и энергія. Всегдашняя скрытность и замкнутость вотяковъ помогаютъ ихъ отсталости въ умственномъ отношеніи. Есть примѣры, что этотъ народъ не лишенъ способности усваивать отъ другихъ полезное ему; такъ постройка избъ, нѣкоторыя занятія и производства взяты отъ русскихъ. Изъ всѣхъ занятій вотяки болѣе всего склонны къ земледѣлію; здѣсь они нерѣдко проявляютъ свою старательность и усердіе. Нѣкоторые писатели

объясняютъ это скупостью и бережливостью вотяка, полагая, что онъ занимается усердно земледѣліемъ въ силу сознанія, что съ успѣхомъ земледѣлія связано его благосостояніе, и потому онъ работаетъ „въ потѣ лица своего“.

Господство суевѣрій и невѣжества среди вотяковъ, ихъ слѣпое преклоненіе предъ явленіями природы—способствуютъ сохраненію вотяками унаслѣдованныхъ ими отъ отцовъ языческихъ міровоззрѣній Ихъ религія—шаманизмъ; они признаютъ два начала: доброе и злое, и имѣютъ боговъ, пребывающихъ въ небесномъ пространствѣ или въ водѣ, въ лѣсныхъ дѣбряхъ, пустыхъ жилищахъ—вообще вдали отъ человѣка. Простому смертному богъ недоступенъ, и только жрецы являются посредниками въ сношеніяхъ. Добрый богъ, возсѣдающій на солнцѣ, называется Инмаръ. Изображеніе его скрывается въ особыхъ нежилыхъ шалашахъ и состоитъ изъ грубо отесаннаго чурбана, представляющаго одну голову съ подвѣшенной къ подбородку бородой изъ болотныхъ травъ. Это святиныя вотяковъ, и каждый оскорбившій этого идола долженъ тутъ же умереть. При общихъ-же моленіяхъ выносятъ изображеніе Инмара, слѣпленное изъ тѣста или изъ хлѣба—подобіе человѣка. Въ честь Инмара вотяки держатъ въ переднемъ углу жилыхъ своихъ избъ коробочки съ идоложертвенными костями животныхъ. Кости эти—лары и пенаты вотяковъ; они охраняютъ домъ послѣднихъ, съ ними вотяки идутъ въ лѣсъ и отправляются въ дальнюю дорогу, ихъ-же кладутъ въ гроба съ умершими, твердо вѣря, что послѣдніе получаютъ отпущеніе грѣховъ. Злой духъ—Шайтанъ изображается на лубкѣ и берестѣ углемъ или мѣломъ въ самомъ отвратительномъ видѣ, съ когтями и копытами на оконечностяхъ рукъ и ногъ и непременно съ хвостомъ. Постояннаго изображенія этого злого духа вотяки въ домахъ не имѣютъ. Шайтанъ или Кереметь совершенно независимъ отъ Инмара, равносильнъ ему и не повинующихся истребляетъ болѣзнями и несчастіями. Вообще, все зло на землѣ происходитъ отъ Керемета; вотъ почему вотяки при всякомъ несчастіи стараются прежде всего умоливать его. Инмаръ и Кереметь были родные братья и первоначально были оба бога добрые; но Кереметь впоследствии сдѣлался злымъ, вслѣдствіе ссоры съ Инмаромъ.

Инмаръ сотворилъ міръ, растенія и животныхъ. Перваго человѣка или „Урома“ онъ сотворилъ изъ красной глины и поселилъ въ прекрасномъ саду, гдѣ всего было вдоволь. Когда Кереметь по приказанію Инмара осматривалъ землю, то нашелъ Урома скучающимъ, о чемъ и сообщилъ своему брату. Тогда послѣдній поручилъ Керемету научить Урома дѣлать кумышку—напитокъ, имѣющій свойство разгонять скуку. Уромъ началъ безпощадно курить кумышку, стараясь ежедневно развеселить себя, но это не помогло. Кереметь снова доноситъ Инмару, но онъ ему не повѣрилъ, упрекнулъ его во лжи и ужасно разсердился на своего брата. Разобиженный Кереметь плюнулъ Инмару въ лицо и скрылся; это обстоятельство и подало поводъ къ вѣчной ссорѣ между ними. Послѣ этого Инмаръ самъ пошелъ осматривать свои творенія и дѣйствительно нашелъ Урома скучнымъ. На вопросъ Инмара, почему онъ скученъ—послѣдній отвѣчалъ, что ему необходима жена. Инмаръ исполнилъ его желаніе, но съ условіемъ не пить въ продолженіе года кумышки, которую осквернилъ Кереметь. Кереметь, помня оскорбленіе брата, сдѣлалъ первую жену любопытною и прозорливою; въ свою очередь Инмаръ проклялъ Керемета, такъ какъ послѣдній старался производить безпорядокъ на землѣ и вводитъ Урома въ грѣхъ. Такъ однажды жена перваго Урома, увидавши покрытую чашку съ кумышкой, по своему любопытству, открыла чашку, отпила немного изъ нея и поднесла своему мужу. Съ этого времени первые люди сдѣлались грѣховными и смертными и были выгнаны изъ рая. Инмаръ, однако, далъ человѣческому роду благословеніе на размноженіе только послѣ своего вторичнаго творенія. Инмаръ, послѣ первой неудачи, по своему милосердію, сотворилъ въ другомъ мѣстѣ нѣсколько паръ мужей и женъ снова изъ красной глины, а для охраны ихъ отъ Керемета приставилъ къ каждой парѣ по огромному черному псу. Съ этою-же цѣлью и въ настоящее время каждый вотякъ держитъ у себя собаку.

Какъ Инмару, называя чаще Воршутомъ—въ честь-главнаго жреца, такъ и Шайтану вотяки приносятъ жертвы при всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Истолкованіе воли боговъ и приношеніе имъ жертвъ лежитъ на обязанности ворожцевъ—это по большей части самые старыя въ деревнѣ вотяки, отличающіеся умомъ и хитростью. Мѣсто принесенія общественныхъ жертвъ и моленій называется Кереметью. Это самое живописное мѣсто въ лѣсу, по преимуществу близъ журчащаго ручья съ раскидистыми и могучими лиственными и хвойными деревьями, среди небольшой лужайки. Время жертвоприношенія и родъ жертвы определяются ворожцемъ въ Керемети при сборищѣ вотяковъ. Сначала послѣдній тихо мотааетъ головой и руками и произноситъ непонятныя слова и фразы, но потомъ постепенно начинаетъ экзальтироваться и производить конвульсивныя движенія, черты лица его искажаются и, наконецъ, у рта является пѣна. Въ это время вотяки молятся и потомъ подводятъ къ ворожцу указанное имъ животное—овцу, жеребенка или козу. Быстрымъ взмахомъ ножа онъ моментально убиваетъ животное, которое сейчасъ-же свѣжуетъ другими ворожцами и складывается въ котлы для варки. Сваренное мясо дѣлится на части и поѣдается съ принесеннымъ вотяками изъ дома хлѣбомъ и запивается кумышкой. Кости сначала закапываются въ землю на годъ, потомъ развѣшиваются по сучьямъ деревьевъ въ самой Керемети и, наконецъ, уже разносятся по домамъ, какъ святыня. Приносятся на этихъ молебнищахъ въ честь Воршута и денежныя жертвы, поступающія въ пользу жрецовъ. Жертвоприношенія въ честь злого духа совершаются такъ-же, какъ и въ честь Воршута, только первыя бываютъ обильнѣе. Шайтанъ словами ворожца требуетъ двухъ животныхъ и притомъ по большей части бѣлой масти.

Но нельзя всегда чествовать Шайтана, такъ какъ онъ тогда забудется и причинитъ много золь, въ особенности домашнимъ животнымъ.

Потому вотяки разъ въ годъ подвергаютъ Шайтана изгнанію изъ домовъ и бичеванію. Обрядъ этотъ совершается ночью на Великій Четвертокъ и называется шайтанъ-вотлонъ. Съ вечера старшіе и взрослые вотяки, вооруженные дубинами и бичами, собираются къ ворожцу и здѣсь за кумышкой держатъ совѣтъ, куда гнать Шайтана; одни предлагаютъ выгонъ въ поле, потому что отъ этого лучше ведется скотъ, другіе въ лѣсъ, чтобы застраховать скотъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей, третьи, наконецъ, кричатъ, что нужно гнать на луга, чтобы побольше уродилось травы; вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ. Теперь ворожецъ изображаетъ то чудовище, о которомъ мы упомянули выше, и, въ сопровожденіи вооруженныхъ палками и бичами вотяковъ, обноситъ его по дворамъ домохозяевъ, а вотяки бьютъ палками по стѣнамъ, приговаривая: „кышъ, Шайтанъ, кышъ...“; имъ вторятъ изъ избъ женщины, выгоняющія Шайтана изъ-за печи, изъ-за лавокъ, съ полатей и пр. Послѣ этого всѣ вотяки, предшествуемые ворожцомъ, садятся верхомъ на лошадей и съ страшнымъ крикомъ и хлопаніемъ бичами гонятъ Шайтана изъ деревни по избранному на сходкѣ пути.

Вся пьяная компанія выѣзжаетъ изъ деревни, но немногіе добираются до цѣли. Послѣдніе должны быть только на бѣлыхъ лошадяхъ, иначе они не могутъ приступить къ бичеванію и оплеванію Шайтана, что производится просто. лубокъ съ изображеніемъ Шайтана прислоняется къ какому-нибудь дереву или пряслу, затѣмъ побивается и оплевывается вотяками, наконецъ, разрывается на части и разбрасывается на всѣ четыре стороны. По окончаніи обряда начинается праздникъ шатра-вотлонъ, состоящій въ безпробудномъ пьянствѣ и перехаживаньи изъ дома въ домъ всѣхъ старыхъ и малыхъ, при чемъ игнорируются самымъ безцеремоннымъ образомъ всѣ приличія въ отношеніи одного пола къ другому, силошь и рядомъ нарушается супружеская вѣрность и въ концѣ-концовъ получается какая-то дикая вакханалія.

Въ загробную жизнь вотякъ вѣритъ по своему. По ихъ понятіямъ, человѣкъ по смерти продолжаетъ не только жить, но и ѣсть и работать. Поэтому они считаютъ своею священною обязанностью почаще класть на могилу своихъ родственниковъ разныя яства и напитки, какъ-то: хлѣбъ, лепешки, конину, трубку съ табакомъ, а въ особенности кумышку. Кладутъ на

Вотячки въ праздничныхъ одеждахъ.

могилу также и инструменты, которыми работал покойникъ: кочедыкъ для плетенія лаптей, топоръ, снарядъ для ловли птицъ и т. п. Поминки совершаются исключительно вслѣдствіе сновидѣній. Послѣ моленія объ успокоеніи умершаго старшій въ семействѣ беретъ блины, обмакиваетъ въ кумышку и подаетъ собакѣ. Если она ихъ съѣстъ, то значитъ покойнику хорошо, въ противномъ случаѣ жизнь его на томъ свѣтѣ тяжела.

Поведеніе и нравы вотяцкой молодежи отличаются вольностью и легкостью. Дѣвушкамъ до замужества предоставляется полная свобода, и онѣ, пользуясь ею, проводятъ время въ играхъ и забавахъ съ молодежью. Особенно весело идетъ время бѣленія холстовъ. Онѣ выбираютъ обширный лужокъ около рѣки или ручья, и предъ закатомъ солнца сходятся сюда парни и дѣвушки. Начинаются пѣсни и хороводы, а иногда и игра въ горѣлки. Здѣсь можно увидѣть ту свободу нравовъ, какой нельзя встрѣтить нигдѣ. Осенью, по окончаніи уже всѣхъ полевыхъ работъ, вотяцкія дѣвушки принимаются прясть и сходятся для этого въ бани. Сходбища эти бываютъ вечеромъ. Сначала дѣвушки прядутъ и поютъ пѣсни, а парни или играютъ на гармоніи, или валяются на полкѣ. Когда наступаетъ пора расходиться, одинъ изъ парней неожиданно гаситъ горящую лучину, и вся компанія расходится по-парно. Въ глухихъ мѣстахъ Глазовскаго уѣзда сохранилась „игра въ жены“, подобно той, которая наблюдается въ обычаяхъ нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Въ собраніи каждый парень въ правѣ для себя выбрать такую дѣвушку, которая болѣе ему нравится, при чемъ дѣло не всегда обходится безъ ссоры или даже драки. Раздѣлившись такимъ образомъ на пары, молодые парни съ дѣвушками расходятся въ разныя стороны и стараются обыкновенно скрыться въ темныхъ мѣстахъ. Послѣ того „жениныя или семейныя пары“ снова сходятся и приступаютъ къ продолженію игры. Подобнымъ состояніемъ нравовъ объясняется отсутствіе между вотяками браковъ по увлеченію и страсти. Вотякъ женится исключительно по экономическимъ расчетамъ. Онъ беретъ въ жены прежде всего работницу и притомъ такую, которая бы была способна къ рожденію дѣтей—будущихъ пособниковъ въ его хозяйствѣ. Отсюда обычай умыкать дѣвушку и жить съ нею нѣкоторое время, иногда цѣлый годъ или два, внѣ брака, пока она не обнаружитъ высказанной способности. Въ случаѣ бесплодія—дѣвушка отсылается обратно къ родителямъ, и если и выходитъ замужъ, то подвергается упрекамъ и покорамъ какъ отъ мужа, такъ и отъ родныхъ его. Замужнія вотячки отличаются большою строгостью нравовъ, на нихъ и у мужчинъ совсѣмъ иной взглядъ, чѣмъ на незамужнихъ. Такимъ образомъ, мы видимъ во взглядѣ вотяка на женщину слѣды отдаленныхъ временъ. У первобытныхъ народовъ дѣвушка, до вступленія въ бракъ, считается общимъ достояніемъ всего рода или общины, потому она вольна въ своемъ поведеніи; но какъ скоро она становится женою, тогда и община требуетъ съ ея стороны вѣрности и уваженія къ ея супругу, который ждетъ въ ней подругу и помощницу. Среди замкнутыхъ язычниковъ-вотяковъ Малмыжскаго и Елабужскаго уѣздовъ наблюдаются остатки общиннаго брака, что выражается въ сохранившемся еще обычая доставлять временно своихъ женъ особенно дорогому гостю.

Браки вотяковъ бываютъ преимущественно лѣтомъ и совершаются съ нѣкоторыми обрядами и церемоніями. Невѣсту себѣ вотякъ беретъ обыкновенно не изъ той деревни, въ которой живетъ самъ, при чемъ сватовство идетъ черезъ его родныхъ—отца или дядю. Случается, что женихъ до самой свадьбы не знаетъ, какая будетъ у него жена. Свадьба сына для отца-вотяка и горе, и радость: горюетъ потому, что свадьба для него составляетъ разореніе, а радуется потому, что въ домѣ его будетъ одной работницей больше. За невѣсту отецъ жениха платитъ калымъ, невѣста же съ своей стороны приноситъ жениху приданое, соответствующее калыму. Въ настоящее время калымъ возросъ до 40 и 80 рублей. Когда рѣчь о калымѣ съ отцомъ невѣсты бываетъ покончена, тогда свать скрѣпляетъ уговоръ кумышкой, которую наливаетъ въ двѣ чашки—одну для отца невѣсты, а другую для себя. Оба пьютъ только до половины, а остальное вливаютъ въ одну чашку и подносятъ къ невѣстѣ, которая въ знакъ

любви будущаго мужа выпиваетъ ее до дна. Послѣ этого начинается рядъ пиршествъ и поѣздовъ то въ домъ жениха, то невѣсты, при чемъ кумышка льется рѣкою. Наступаютъ, наконецъ, проводы невѣсты къ жениху, и она прощается съ домомъ, въ которомъ жила, со всѣми обитателями, какъ людьми, такъ и скотиной. Съ невѣстой вмѣстѣ везутъ и часть приданаго. При проводахъ невѣста плачетъ и причитываетъ. Привезенное съ невѣстой къ жениху приданое—что получше и поцѣннѣе—развѣшивается по стѣнамъ напоказъ всѣмъ гостямъ, званнымъ и незваннымъ. Когда всѣ гости собрались (жениха здѣсь не бываетъ), невѣста, сидѣвшая до сего времени гдѣ-нибудь въ скрытномъ мѣстѣ, дружками ея (казакъ-ныль) дѣвушками вводится въ общую комнату черезъ наложенные жениховыми дружками подъ порогъ еловые сучья, покрытые кускомъ холста. Невѣста угощаетъ гостей пивомъ и кумышкой: прежде всего родителей, а потомъ гостей, по порядку старшинства, при чемъ становится на колѣна предъ каждымъ гостемъ; лишь только невѣста обнесла всѣхъ гостей, начинается общая попойка. Послѣ угощенія невѣсты, казакъ-ныль ведетъ ее, часто совершенно пьяную, въ клѣть, гдѣ приготовлена постель и гдѣ ждетъ ее женихъ. Уложивъ жениха и невѣсту спать, молодежь уходитъ.—На другой день казакъ-ныль ведутъ невѣсту на рѣку съ ведрами; при рѣкѣ въ банѣ купаютъ ее и потомъ заставляютъ зачерпнуть воды и нести въ домъ, гдѣ уже давно собрались гости. Принесенной съ рѣки водой невѣста начинаетъ обносить всѣхъ гостей. Послѣ этого начинается снова попойка, послѣ которой гости расходятся по домамъ, а невѣста остается въ домѣ жениха на правахъ члена новой семьи. Живетъ здѣсь невѣста неопредѣленный срокъ, иногда нѣсколько мѣсяцевъ, иногда годъ—два, и только передъ свадьбой уѣзжаетъ въ домъ родителей, гдѣ занимается приготовленіемъ подарковъ своимъ будущимъ свекру и свекрови.

Вотская свадьба бываетъ шумнѣе русской; вотякъ варитъ къ этому празднику иногда ведро до тридцати одной кумышки. По взаимному соглашенію сватовъ, назначается день брака, за нѣсколько дней до котораго является со стороны невѣсты къ жениху посыльный съ приглашеніемъ на свадьбу. Со стороны жениха ѣдутъ человекъ двадцать, женихъ-же остается въ это время дома. Гости встрѣчаются хозяиномъ во дворѣ; здѣсь на покрытомъ скатертью столѣ разставляется хлѣбъ-соль, полуштофъ кумышки и стаканъ пива. Лишь-только всѣ пріѣзжіе вышли изъ своихъ телѣгъ, хозяинъ предъ столомъ начинаетъ молиться Богу о счастіи новобрачныхъ и затѣмъ идетъ въ сопровожденіи гостей въ избу. Въ избѣ двое дружекъ (казакъ-пи) берутъ свѣтецъ, ставятъ его посрединѣ избы, налѣпляютъ сюда восковую свѣчку и обходятъ кругомъ свѣтца три раза съ пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ: Остэ Инмарэ, пиримонъ лы янь сетъ. Инмарэ, зесь малтазесъ иръ выламъ, пиримонъ малтазесъ пыдъ уламъ. Бадзимъ Инмарэ, зесь тудзя сетъ, Инмарэ! (Господи Боже, великій Боже, не допусти насъ до несчастья. Господи, кто здѣсь съ добрымъ намѣреніемъ, тѣ пусть будутъ вверху, кто съ злымъ намѣреніемъ, тѣ пусть будутъ подъ ногами. Боже Великій, дай намъ добраго житья). Послѣ трехкратнаго обхода вокругъ свѣтца казакъ-пи (парнями), гости всей гурьбой продѣлываютъ то-же самое, обходя съ тѣми же пѣснями, послѣ чего открывается пиршество. Въ продолженіе трехъ-четыреухъ сутокъ пріѣзжіе гости, по приглашенію, ходятъ изъ дома въ домъ къ родственникамъ невѣсты, участвующимъ на брачномъ пиршествѣ. Вмѣстѣ съ ними ходитъ и невѣста. Всюду бываетъ пляска и пѣніе пѣсенъ; послѣднія состоятъ изъ импровизаций, содержащихъ по преимуществу покоры хозяевамъ за плохое угощеніе. Пляска происходитъ всегда подъ игру на вотскихъ 14-тиструнныхъ гусяхъ, хотя монотонныхъ, но довольно мелодичныхъ; она состоитъ изъ мимическихъ движеній, не лишенныхъ сладострастія. Вотякъ и вотячка становятся другъ противъ друга и долго переступаютъ съ ноги на ногу, потомъ начинаютъ описывать руками въ воздухѣ манящія движенія, пуская въ ходъ прищелкиванье языкомъ, морганіе глазами, хлопанье въ ладоши. Послѣ этихъ вызывающихъ движеній пляшущіе начинаютъ между собою сходитья и расходиться, постепенно учащая ритмъ движеній до crescendo. На-

конецъ, пара схватилась руками и начала отбивать ногами дробь и беспорядочно кружиться на одномъ мѣстѣ. Это финалъ пляски. Въ изнеможеніи бросаются плясуны на лавки, и выходитъ другая пара, которая продѣлываетъ то-же. Вотъячки во время пляски, стоя съ чарками кумышки, расиѣваютъ свои импровизаціи, направляемыя къ одобренію или порицанію пляшущихъ, и тутъ же не забываютъ ругнуть хозяевъ за плохое угощеніе, хотя сами уже едва держатся на ногахъ. На всѣхъ пирахъ невѣста даритъ гостей со стороны жениха полотенцами.

Послѣ нѣсколькихъ дней пиршества гости начинаютъ собираться домой, съ ними собирается и невѣста къ жениху, забирая съ собою все приданое. Когда гости всѣ разсѣлись по своимъ тарантасамъ, невѣста и казакъ-ныль обходятъ кругомъ по три раза каждый тарантасъ съ пѣснями, въ которыхъ просятъ Бога, чтобъ Онъ не допустилъ дорогой до какого-нибудь несчастія, чтобы спасъ ихъ отъ колдуновъ, пускающихъ по вѣтру болѣзни и недуги на чело-вѣка. Затѣмъ усаживаютъ невѣсту въ ея повозку, и поѣздъ отправляется со звономъ колокольчиковъ и шумомъ.

Изъ дома жениха невѣста вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ въ церковь. На другой день послѣ вѣнца молодая опять купается въ рѣкѣ, по требованію своихъ подругъ, и, наконецъ, въ послѣдній разъ, во всей одеждѣ во время сѣнокоса, въ первый годъ замужества, послѣ чего оставляется уже навсегда въ покоѣ.

Въ бассейнѣ рѣки Камы живетъ племя пермяковъ, которое, вмѣстѣ съ зырянами, составляетъ одну общую вѣтвь финновъ, называемою пермскою. Сами пермяки зовутъ себя „Коми“. О времени наплыва пермяковъ изъ Азіи нѣтъ никакихъ данныхъ, но Тацитъ считаетъ ихъ переходъ, бывшимъ до Рождества Христова. Границы Великой Перміи возстановить теперь невозможно, и приходится судить о величинѣ страны пермской по рѣкамъ и рѣчкамъ, получившимъ названіе изъ пермяцкаго языка. Онъ указываетъ на слѣдующій районъ обитанія пермяковъ въ разное время своего существованія: съ сѣвера ограничивается рѣками Сойвой, Весляной, Пульвой и Колвой; съ востока вершинами Лозвы, Сосвы, Лобвы и Кушвы, а отсюда прямой линіей по южному краю пермскаго уѣзда образуется южная граница; къ западу же—вершинами Омана, Обвы, Инвы весь этотъ районъ обнимаютъ собою Пермскій, Соликамскій, Чердышскій, западную половину Верхотурскаго и сѣверную Охонскаго и равняется 2,500 кв. милямъ. Въ настоящее время пермяки живутъ главнымъ образомъ по правой сторонѣ рѣки Камы, затѣмъ по лѣвой—на рѣкахъ Колвѣ, Язвѣ и Вишерѣ и, наконецъ, въ Вятской губерніи, въ сѣверной части Слободскаго уѣзда, по правой сторонѣ рѣки Вятки, по рѣкѣ Леткѣ.

Пермяки, по выходѣ ихъ изъ-за Уральскихъ горъ, съ береговъ Сосвы и Лозвы, во времена весьма отдаленныя, были народомъ вполне кочующимъ. Они двинулись на западъ къ рѣкѣ Камѣ и прошли частью область, очерченную нами выше. Они невольно останавливались на каждомъ шагѣ, находя вездѣ въ изобиліи звѣрей, нужныхъ имъ въ пищу и на одежду, и для различія новыхъ мѣстъ, рѣкъ и рѣчекъ, давали имъ свои названія. Несторъ пишетъ, что въ его время народы финскаго племени, включительно съ пермяками, уже не были столь грубы и дики, какъ во времена Тацита, и имѣли постоянныя жилища. Пермяки съ первыхъ же дней прихода въ этой суровой странѣ озаботились устройствомъ жилищъ и теплыхъ помѣщеній, безъ которыхъ здѣсь невозможно жить зимою. Конечно, жилища изъ вѣтвей, осыпанныя землей, не требовали большой работы и были удобны для кочующаго народа. Вѣроятно, развалины этихъ-то жилищъ и составляютъ находимыя нынѣ земляныя насыпи, извѣстныя подъ именемъ Чудскихъ-городищъ. При такомъ образѣ жизни, въ странѣ холодной, полудикое племя, до введенія хлѣбопашества, по необходимости, должно было питаться травами, рыбою и звѣрями, одѣваться звѣриными кожами. Обширность лѣсовъ съ ихъ многочисленными обитателями развила между пермяками звѣриную ловлю. Предпримчивые и смѣ-

лые изъ нихъ приобрѣтали болѣе, нежели сколько нужно для собственнаго употребленія, и избытокъ отдавали промышленнымъ сосѣдямъ за ихъ произведенія, быть можетъ, за луки, стрѣлы и домашнія вещи; отсюда возникла мѣна и затѣмъ торговля пермяковъ съ сосѣдними народами.

Новгородцы были первыми изъ русскихъ, познакомившихся съ пермской страной или Біарміею, богатою солью, металлами и пушнымъ звѣремъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы обложили пермяковъ данью и построили городъ Вятку. До конца XV вѣка пермская земля оставалась полусвободною и продолжала торговать съ Русью. Іоаннъ III смѣстилъ послѣдняго пермскаго князя и послалъ для управленія своего намѣстника.

Русская колонизація постепенно охватила кольцомъ пространство, обитаемое пермяками. Въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ къ пермякамъ сошлось значительное число русскихъ, тамъ мы видимъ, что пермяки утратили уже свои національныя особенности, исказивъ ихъ и перенявъ обычаи русскихъ.

Типъ коренного пермяка почти не имѣетъ отличій отъ общаго финскаго типа, описаннаго

Типы пермяковъ.

нами выше. Лицо пермяка угловатое, какъ бы четверугольное, покрытое смуглою, желтоватою кожею. Брови тонкія, короткія, едва замѣтныя. На лицѣ выражается тупость, дикость, скрытность, упрямство и подчасъ злость. У замужнихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, оно носитъ отпечатокъ неумѣренной половой любви. Пермячки рѣзко отличаются отъ русскихъ женщинъ малымъ развитіемъ груди. Волосы не особенно густы; мужчины на головѣ обрѣзываютъ ихъ кругомъ, на лбу вровень съ бровями, отъ бровей до ушныхъ мочекъ; рядъ разнимаютъ весьма рѣдко; усы и борода—жидки. Женщины зачесываютъ волосы назадъ, но прямо безъ пропуска, заплетая назадъ, замужнія въ двѣ, а дѣвушки въ одну косу. Приглаживаніе волосъ руками обыкновенно замѣняетъ гребенку и щетку. Пермякъ неуклюжъ, неповоротливъ, вялъ, ходитъ мѣрнымъ шагомъ, покачиваясь со стороны на сторону, и сильно размахивая руками. Всмотриваясь въ фізіономію пермяковъ, нельзя не замѣтить, что иногда выдѣляются лица иного типа: волосы темнорусые, почти черные, лицо продолговатое, кожа смуглая, глаза каріе и темнокаріе, носъ прямой, узкій, губы—тонкія, подбородокъ острый. Пермяки блондины говорятъ про нихъ, что они происходятъ отъ Чуди, Чудскаго народа, и хотя въ языкѣ ихъ нѣтъ различія, но послѣднихъ всегда можно узнать, ибо они дурно (не чисто) бають.

Природа надѣлила пермяковъ хорошимъ здоровьемъ, создала способными къ перенесенію

суроваго климата и тяжелыхъ физическихъ трудовъ. Одарены они значительной физической силою, но по врожденной лѣности и нерасторопности дѣлаютъ меньше русскихъ, какъ на общественныхъ, такъ и домашнихъ работахъ. Выходятъ на работы поздно, вслѣдствіе чего у нихъ, напримѣръ, хлѣбная страда иногда продолжается до половины октября.

Живя въ дымныхъ, закоптѣлыхъ, грязныхъ избахъ, рѣдко мѣняя и чистя бѣлье, пермяки и ихъ домочадцы, большею частью, очень нечистоплотны: съ ногъ до головы запачканы, грязны. Нельзя сказать, чтобы умственные способности пермяковъ были ограничены; но мы наблюдаемъ у нихъ умъ спящій, подавленный, что, безъ сомнѣнія, есть результатъ того гнета, который пережили они еще въ весьма недавнее время, благодаря энергіи приказчиковъ—представителей богатыхъ помѣщиковъ. Очень естественно, что пермякъ отъ природы сосредоточенный, недоувѣрчивый, скрытный, еще болѣе ушелъ самъ въ себя. Онъ плохо перенимаетъ или заимствуетъ у сосѣдей болѣе развитыхъ, не заботится объ улучшеніи своего быта и остается вѣрнымъ испоконнымъ обычаемъ. Бывали случаи, что изъ пермяковъ выдавались натуры сильныя умомъ и богатыя энергіей, и они занимали тогда мѣста приказчиковъ или становились смышленными торговцами или ремесленниками. Пермяки злоблively и скоро приходятъ въ ярость, особенно подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ; упрямость также свойственна имъ. Въ своемъ домѣ онъ является господиномъ, здѣсь онъ смѣлъ, дерзокъ, а внѣ дома, особенно предъ начальствомъ, трусливъ и робокъ. На слова пермякъ скупъ, особенно если онъ не знаетъ хорошо человѣка.

Домашняя жизнь пермяковъ очень не привлекательна. Избы строятъ они обыкновенно съ дымными печами безъ трубъ; вмѣсто свѣчь жгутъ лучину, половъ въ домахъ никогда не моютъ, отчего у нихъ всегда и вездѣ страшная нечистота. Вообще, при входѣ въ домъ пермяка, страшное зловоніе поражаетъ всякаго, кто не привыкъ жить вмѣстѣ съ животными; пермяки-же охотно живутъ въ одной избѣ съ своими свиньями, телятами, овцами и прочею домашнею живностью.

Главное занятіе пермяковъ и главный источникъ ихъ пропитанія—различно и зависитъ отъ мѣста его обитанія; такъ пермяки южные занимаются хлѣбопашествомъ, а на зиму берутъ подряды отъ соляныхъ промысловъ на срубъ лѣса и заготовки дровъ; пермяки прикамскіе въ сѣверной части Чердынскаго уѣзда, занимаются или сплавомъ лѣса по Камѣ или же уходятъ бурлачить—сплавлять желѣзные караваны отъ заводовъ по Камѣ и Волгѣ. Рѣдко послѣдніе доставляютъ что-либо въ домъ, обыкновенно-же пермякъ возвращается съ грошами. Въ былые годы хорошій заработокъ доставляло звѣрованье, но по мѣрѣ уничтоженія лѣсовъ и звѣря становится меньше.

Одежда пермяка состоитъ изъ бѣлой рубахи, сшитой изъ полотна; воротъ ея вышивается красными и синими нитками и застегивается на правомъ плечѣ мѣдною пуговицею. Поясъ тѣхъ же цвѣтовъ, узорчатый, плетется изъ овечьей шерсти; къ нему привѣшивается обыкновенно кожанная сумка, съ мѣдными пуговицами, въ которой хранятся: огниво, камень и трутъ. Портки шьются изъ бѣлаго льняного полотна и спускаются поверхъ чулокъ или обертокъ, которыя вяжутся изъ шерсти съ красными узорами. Поверхъ рубахи, надѣвается гуня, или, такъ-называемый, шабуръ, шитый изъ бѣлаго холста со сборками, ниже поясицы; воротъ обшивають кумачной оторочкою; въ послѣднее время, начали носить шабуры синяго цвѣта. Запаны дѣлаются съ рукавами изъ бѣлаго холста. Голова покрывается высокою шляпою, съ узкими полями. Обувь—обыкновенно коты съ красными опушками или простые сапоги. Здѣсь описанъ костюмъ праздничный или же зажиточнаго пермяка. У большинства-же пермяковъ нѣтъ на платье вычурныхъ вышивокъ; поясъ замѣняется ремнемъ, къ которому, съ лѣвой стороны, привѣшивается поясъ въ ножнахъ, а съ правой—скоба для топора; ремень застегивается желѣзною пряжкой. Зимой носятъ бѣлую суконную гуню, поверхъ которой надѣвають запонъ съ рукавами. Обувь—берестяные лапти или уледи, изъ сыромятной кожи.

Женское платье составляетъ рубаха изъ бѣлаго льняного холста; воротъ дѣлается съ сборками и завязывается тесемкой; рукава шьются широкіе и длинныя, такъ что достаютъ до конца пальцевъ. Въ праздникъ носятъ сарафаны изъ кумача или китайки, въ будни же—дубасы, изъ одубленного и гребного толстаго холста, бѣлаго или синяго цвѣта. На головѣ—кокошникъ, похожій на русскій, только надѣваютъ его, сильно наклонивъ впередъ, словно козырекъ. Будничный кокошникъ—красный; въ праздникъ-же надѣваютъ шелковый, украшенный поддѣльнымъ жемчугомъ или чѣмъ-нибудь другимъ, а сзади обтянутый краснымъ штофомъ. Уши пермячки, предпочтительно, украшаютъ длинными серебряными серьгами стариннаго фасона, съ рясками.

Въ пищу пермякъ неразборчивъ. Ржаной или ячменный хлѣбъ, овощи, похлебка изъ ячменныхъ крупъ и овсяной кисель—вотъ преобладающія блюда на столѣ пермяковъ. Любятъ они также сырникъ, приготовляемый изъ творогу и телячьихъ ножекъ. Нерѣдко случается, особенно во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, что пермяки питаются исключительно хлѣбомъ и излюбленнымъ напиткомъ брагою.

Послѣдняя, приготовляемая изъ овсяной муки, солода, дрожжей и заправляемая хмѣлемъ или сухой малиной, довольно хмѣльна. Плохъ тотъ пермякъ, который не имѣетъ у себя въ домѣ постоянно браги и не можетъ угостить ею пришедшаго человѣка. Подаютъ ее преимущественно теплою, чтобы была хмѣльнѣе. Послѣ браги, главный предметъ угощенія—пельняни (наши пельмени)—маленькіе согнутые пирожки, похожіе на ухо, начиненные говядиной. Пельняни варятся въ водѣ и потомъ выкладываются прямо на грязный столъ или доску; берутъ ихъ просто руками и вилками, сдѣланными изъ заостренной кости.

Пермяки живутъ деревнями и починками или однодворками. Деревни не богаты домами и обыкновенно расположены гдѣ-нибудь въ долинѣ, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги. Среди полей тамъ и сямъ разбѣяны небольшіе хутора или однодворки: здѣсь пермякъ селится у своихъ полей, чтобы лучше и ближе было за ними присматривать. При вѣздѣ въ деревню, особенно старой постройки, васъ поражаетъ хаосъ въ расположеніи домовъ, при полномъ отсутствіи улицъ и проулковъ. Иначе и не можетъ быть, ибо въ старину мѣста подъ дома опредѣлялись произволомъ знахаря, о чемъ мы скажемъ ниже. Главный фасадъ—сторона съ окнами—дома всегда обращенъ на востокъ или югъ и домъ большею частью обнесенъ оградой. Окна маленькія, нерѣдко закрытыя пузыремъ, бумагой или тряпкою. Домъ (горть) пермяка обыкновенно вытянутъ въ длину и состоитъ изъ трехъ частей: избы—„керку“, клѣти—„чомъ“, а въ серединѣ между ними сѣни съ двумя крыльцами, одно ведетъ на дворъ, другое же въ бревенчатую ограду—„карта“, которая примыкаетъ къ задней стѣнѣ дома. Надъ всѣмъ этимъ разстилается крыша на два ската. Пермяцкая изба противъ русской отличается своею высотой, но за то постройкой она хуже. У зажиточныхъ пермяковъ, какъ изба, такъ и „карта“ бываетъ двухъэтажная; въ первой внизу ледникъ и амбарушки, а въ „картѣ“ внизу держатъ скотъ, верхъ же предназначается для саней, сбруи, чуни (одежды) и прочаго домашняго скарба; иногда дѣлаютъ изъ верхняго „картъ“ бревенчатый скатъ на дворъ. Сообразно довольству пермяка—у него и число надворныхъ избъ и хлѣвовъ („гидь-есъ“). На отставѣ, въ полѣ устраивается гумно съ овиномъ и мякеницей и близъ рѣчки баня.

Пермякъ въ высшей степени суевѣренъ и потому во всѣхъ его житейскихъ дѣлахъ играетъ большую роль знахарь—вѣжливецъ или ворожея. Такое важное дѣло, какъ постройка избы, сопровождается цѣлымъ рядомъ гаданій. Рѣшившись строиться, пермякъ начинаетъ это дѣло „ронкой“ лѣса на избу, и день „зарока“ избирается совѣтомъ домашнихъ. Но если случится въ назначенный день убыль въ домашнихъ животныхъ его дома—это не хорошій признакъ и потому время „зарока“ иногда откладывается до будущаго года. При благоприятныхъ предзнаменованіяхъ пермякъ приглашаетъ родныхъ или сосѣдей, и всегда самъ-третьей идетъ въ лѣсъ, чтобы вновь узнать, срубивши нѣсколько деревьевъ, пришла ли счастливая пора строиться.

Если у первых трех срубленных деревьев, во время падения, обломится вершина, то пермякъ не рѣшится продолжать работу и отложить ее до поры, до времени. Послѣ удачнаго зарока, спустя нѣсколько дней, онъ рубитъ остальные бревна на избу, но не одинъ, а непременно помочью. Въ мартѣ мѣсяцѣ обыкновенно рубятъ избныя срубы, по изготовленію которыхъ опредѣляется, гдѣ быть переднему углу избы, и дѣлается окладъ, „обложка“ избы. Здѣсь не обходится безъ знахаря, который заказываетъ испечь три небольшие круглые ржаные хлѣба и запарить, если нѣтъ въ домѣ, небольшимъ мѣднымъ распятіемъ. Наконецъ, приходитъ знахарь, помолится Богу, сложитъ въ льняной мѣшокъ три хлѣба и растенія, и идутъ къ мѣсту, гдѣ предполагается постройка. Здѣсь знахарь вбиваетъ въ землю три кола (трища) съ причитываніемъ и затѣмъ вытряхаетъ назадъ себя, черезъ лѣвое плечо,—хлѣба и растенія; такъ повторяется до тѣхъ поръ, пока они не упадутъ лицомъ вверхъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ счастливѣе мѣсто. Далѣе на этомъ пунктѣ вбиваютъ четыре кола, хозяинъ беретъ чалпанъ (хлѣбъ), ставитъ въ средину между ними и бросаетъ чалпанъ чрезъ свою голову кверху три раза: къ которому колу ближе упадетъ чалпанъ—тутъ и быть переднему углу. Какъ „зарокъ“, такъ и „обложка“ избы празднуется у пермяка, какъ большой праздникъ. Гдѣ быть переднему углу, тамъ хозяинъ при постройкѣ кладетъ въ землю разный зерновой хлѣбъ, мѣдныя деньги и разныхъ цвѣтовъ овечью шерсть, чтобы въ новомъ домѣ водились деньги, хлѣбъ и скотъ. Когда положить окладныя вѣщицы на мѣсто, хозяйка приноситъ хорошую овчину и стелетъ ее, вверхъ шерстью, на землю, по срединѣ сруба. На овчину ставятъ все приготовленныя яства и питье, и хозяинъ съ помочами, помолившись Богу, садятся кругомъ овчины обѣдать. Переходъ въ новый домъ также сопровождается нѣкоторыми обычаями. Въ назначенный день, ночью, когда первый разъ запоютъ пѣтухи, хозяинъ, помолившись, беретъ за пазуху съ божницы икону, подходитъ къ голбцу, отворяетъ дверь въ подполье и говоритъ: — Сусѣдушка, братанушка! пойдѣмъ въ новый домъ; какъ жили въ старомъ домѣ хорошо и благо, такъ будемъ жить и въ новомъ—ты люби мой скотъ и семейство. Сказавъ это, хозяинъ беретъ въ руки пѣтуха и курицу, хозяйка нагружается хлѣбомъ и квашней, другіе-же члены семьи берутъ прочій домашній скарбъ и все вмѣстѣ отправляются въ новый домъ, гдѣ заходятъ въ сѣни. Хозяинъ пускаетъ въ избу пѣтуха съ курицей и, спустя нѣсколько времени, иногда выждавъ, когда пѣтухъ пропоетъ, входитъ съ семействомъ. Первымъ дѣломъ ставитъ икону на божницу и пускаетъ въ голбецъ сусѣдка, говоря. „Проходько, сусѣдушка, братанушка,— а хозяйка накрываетъ столъ скатертью и кладетъ на него хлѣбъ съ солью

Суевѣрный пермякъ всюду видитъ присутствіе злой силы (начала). Онъ вѣритъ, что въ водѣ живетъ чортъ—генамортъ—мохнатый человѣкъ или ваамортъ—водный человѣкъ—великій другъ мельниковъ; въ лѣсу—лѣшакъ—верамортъ или ыджигъ-мортъ—большой человѣкъ, который является то выше лѣсу, то ниже травы, у него нѣтъ ни бровей, ни рѣсницъ. Лѣшій, вообще, пребольшой чудакъ и проказникъ и особенно любитъ подшутить надъ пермякомъ, когда послѣдній находится въ дорогѣ: то онъ выворотитъ ему шапку на изнанку, то приморозитъ его сани къ дорогѣ, такъ что бѣдныя лошади, какъ ни силятся, не могутъ сдѣлать ни шагу, то, наконецъ, заведетъ въ непроходимую трупобу—и самъ со стороны дико хохочетъ. Смѣтливый пермякъ, пользуясь слабостью лѣшаго къ русскому листовому табаку, отдѣлывается отъ разныхъ неприятностей, принося ему въ даръ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ табакъ, оставляя его на пнѣ или колодѣ.

Знахари или вѣдуны нечистой силы—остатокъ древняго шаманства—могутъ пользоваться этою силою на зло и пользу человѣка. Такимъ образомъ, знахарь, въ глазахъ пермяка, вмѣстѣ и грозное, и благотѣльное лицо: его и боятся, и уважаютъ. Поэтому онъ всегда первое лицо и въ дни радости, и въ дни горя; безъ него не начинаютъ никакихъ важныхъ дѣлъ. Лѣченіе отъ болѣзней травами, даваемыми знахарями, въ большемъ ходу у пермяковъ; въ самыхъ же трудныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ черъ-эшвану (топоръ-вѣсень), или особому виду

гаданія Больной или его родственникъ беретъ шишку хмѣля, огарокъ восковой свѣчи и нѣсколько мѣдныхъ монетъ, завязываетъ все это въ чистую тряпку или платокъ и обращается къ знахарю, рассказавъ свою болѣзнь. Знахарь беретъ принесенный узелъ, развязываетъ его и вынимаетъ все, что въ немъ находится; свѣчу зажигаетъ и ставитъ къ образамъ, беретъ нѣсколько каленыхъ угольковъ изъ печи, растираетъ хмѣль въ порошокъ, снимаетъ съ себя крестъ и вѣситъ топоръ съ топоричемъ на гайтанъ (шнурокъ), какъ безменъ, при этомъ наговаривая и посыпая хмѣлемъ угли. Когда топоръ уравнивается на шнуркѣ, то онъ начинаетъ вслухъ перебирать всѣхъ святыхъ угодниковъ, на имя которыхъ въ окрестностяхъ находятся церкви или часовни; на какомъ святомъ топоръ потерялъ равновѣсіе, тому знахарь велитъ отслужить молебенъ, по совершеніи котораго больной долженъ выздоровѣть. Впрочемъ, знахарь иногда прибѣгаетъ и къ другимъ совѣтамъ: такъ, велитъ поставить святому свѣчу въ длину руки или ноги, или совершать поминки и т. п. Черъ-эшванныя свѣчи приготавливаются изъ желтаго воску самими пермяками и имѣютъ видъ витой веревки; ихъ можно и теперь видѣть въ пермятскихъ часовняхъ.

Хотя всѣ пермяки со временъ св. Стефана Велико-Пермскаго считаются христіанами (около 1370 года), тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ, они мало отличаются отъ язычниковъ. О христіанской религіи пермякъ имѣетъ самыя смутныя понятія. Извѣстно, что первые проповѣдники въ сѣверо-восточной Россіи дѣятельно уничтожали, какъ истукановъ, такъ и всѣ священные предметы язычниковъ, и на тѣхъ же мѣстахъ воздвигали часовни. Почитаніе даннаго мѣста сохранилось у пермяковъ, разрушать же часовни послѣдніе не рѣшались изъ боязни наказанія. Мало-по-малу пермяки нѣсколько освоились съ внѣшними приѣмами православія, начали почитать иконы; а затѣмъ, все еще сохраняя свои дни языческихъ жертвоприношеній, измѣнили имена своихъ боговъ на имена святыхъ, празднуемыхъ въ тѣ-же дни православною церковью. Такъ, на примѣръ, жертвоприношенія богу скота, 17-го августа, приурочились св. Фролу и Лавру, часовни во имя которыхъ воздвигнуты на мѣстахъ бывшихъ капищъ. Илья пророкъ сдѣлался защитникомъ козъ и барановъ и покровителемъ культурныхъ растений—потому въ день этого святого пермяки приносятъ жаренныя и печеныя козьи и бараньи головы, а также и горохъ. Покровительницѣ домашнихъ птицъ—Маріи Галендухъ приносятъ въ часовни жаренныхъ курицъ. Всѣ эти приношенія поступаютъ затѣмъ къ священно-церковно служителямъ. Наибольшимъ почитаніемъ у пермяковъ пользуется весьма древняя часовня св. Фрола и Лавра въ деревнѣ Большая Коча, которая находится въ глухомъ углу Чердынскаго уѣзда. Здѣсь, 18-го августа, приносятъ въ жертву быковъ и сюда стекаются къ этому дню пермяки изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, верстъ за двѣсти. Намъ два года сряду удалось быть на этомъ жертвоприношеніи; ежегодно закалывается здѣсь до 25 головъ. Небольшая часовня расположена у самой деревни на увалѣ, возвышающемся надъ рѣчкой. Наканунѣ жертвоприношенія народъ началъ значительно прибывать. Такъ какъ здѣсь колесныхъ дорогъ не знаютъ, то передвиженія совершаются исключительно верхомъ; пермяки были въ праздничныхъ нарядахъ, въ которыхъ преобладаютъ яркіе цвѣта, такъ что ихъ кавалькады имѣютъ весьма эффектный видъ. Жертвенная скотина—чистый бычокъ—здѣсь не покупная, а обреченная и вскормленная на дому. Обыкновенно пермякъ въ трудныя минуты жизни обращается къ св. Фролу и Лавру и обѣщаетъ имъ принести жертву. Родившійся бычокъ до трехлѣтняго возраста оберегается хозяиномъ и затѣмъ онъ его ведетъ въ деревню Большую Кочу. Всѣ приведенные бычки привязываются къ часовенной оградѣ въ ожиданіи благословенія, которое дается имъ пріѣзжимъ священникомъ, или же колокольнымъ звономъ. Когда послѣдній раздался, что было при нашемъ посѣщеніи, всѣ хозяева ведутъ свои жертвы на площадку, которая прилегаетъ съ сѣвера къ часовнѣ, и здѣсь, расположившись, приступаютъ къ закланію, при чемъ послѣднее совершается давними обрѣтомъ. Открывающійся здѣсь видъ производитъ особенное впечатлѣніе: вы видите предъ собою христіанъ, которые, съ глубокимъ сознаніемъ важности ихъ священнодѣйствій,

совершаютъ закланіе по языческимъ завѣтамъ. Правда, здѣсь уже не наблюдается той полноты языческой обрядности, какую видимъ мы у черемисовъ, и пермяки, годъ отъ году, отстаютъ уже отъ языческихъ традицій. Въ то время, когда на площадкѣ происходитъ закланіе, снягіе шкуры и раздѣленіе на части, на угощеніе присутствующихъ съ южной стороны часовни разводятъ костеръ и устанавливаютъ котлы для варенія мяса. Мясо варится безъ соли и затѣмъ тутъ же съѣдается присутствующими. Здѣсь идетъ полный разгулъ: водка, пиво и брага уничтожаются въ значительномъ количествѣ, и это празднество продолжается всю ночь до восхода солнца. На другой день, послѣ молебна, совершаемаго на рѣкѣ, священникъ окропляетъ всѣхъ пермяковъ и пермячекъ, сошедшихъ въ воду, что дѣлаютъ по обѣту, а также и

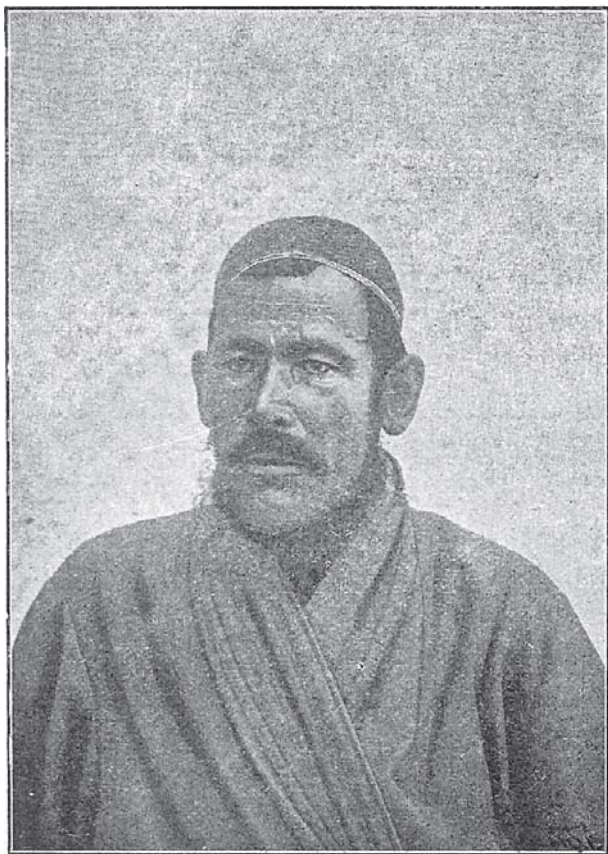

Группа молодыхъ башкиръ.

всѣхъ лошадей, на которыхъ выѣзжаютъ въ рѣку пермяки еще до начала молебна и стоятъ такъ до окончанія его.

Побываемъ теперь еще на свадьбѣ и похоронахъ у пермяковъ. Жизнь дѣвушки у пермяковъ—свободная; въ домѣ родителей она должна быть помощницей, а по выхсдѣ замужъ по другой и работницей своего мужа. До замужества пермячка вольна любить кого хочетъ и можетъ жить съ тѣмъ, кто нравится, поэтому имѣть ребенка дѣвушкѣ не только не считается позоромъ, но даже въ нѣкоторомъ отношеніи она возвышается въ глазахъ жениховъ, какъ не безплодная женщина. Имя Миронъ (отъ міру), даваемое незаконнорожденнымъ, весьма часто встрѣчается у пермяковъ. Пермякъ даже охотиѣ женится на дѣвушкѣ, у которой есть сынъ, онъ говоритъ:—Ужь есть работникъ, вырастетъ, помогать будетъ.—Пермяцкая свадьба уже значительно утратила свои характерныя особенности. Въ день свадьбы полы въ домахъ жениха и невѣсты устилаются соломой. Затѣмъ, въ извѣстное время, въ домъ послѣдней пріѣзжаетъ женихъ съ друзьями, гдѣ собрались уже родные и знахарь. Родственники жениха обычно-

венно приносятъ различные подарки, напримѣръ: пиво, чернярь (пирогъ съ рыбою) или хлѣбъ, обвязанный красными оторочками. Когда всѣ войдутъ въ избу—сидятся, пьютъ, затѣмъ благословляютъ иконой жениха и невесту и отпускаютъ ихъ къ вѣнцу. Свадебный поѣздъ всегда очень шуменъ. Друзки, верхомъ на коняхъ, поютъ пѣсни или же потѣшаютъ гостей прибаутками. Одинъ знахарь ѣдетъ отдѣльно, съ озабоченнымъ лицомъ, постоянно озираясь по сторонамъ и что-то нашептывая. Послѣ брака всѣ направляются въ домъ жениха, гдѣ „новображныхъ“, какъ говорятъ пермяки, встрѣчаютъ на дворѣ хлѣбомъ-солью, виномъ и брагою. Пьютъ здѣсь, и потомъ съ крестами и молитвами, заднимъ дворомъ и крыльцомъ, входятъ въ домъ. Знахарь впереди. Онъ беретъ стаканъ вина или пива, нашептываетъ надъ нимъ и подаетъ молодымъ выпить, чтобы хорошо жили. Отецъ и мать благословляютъ молодыхъ, и тогда начинается полное пиршество, пѣніе и пляски. Пляска у нихъ весьма незатѣйлива и

Типъ башкира-среднихъ лѣтъ.

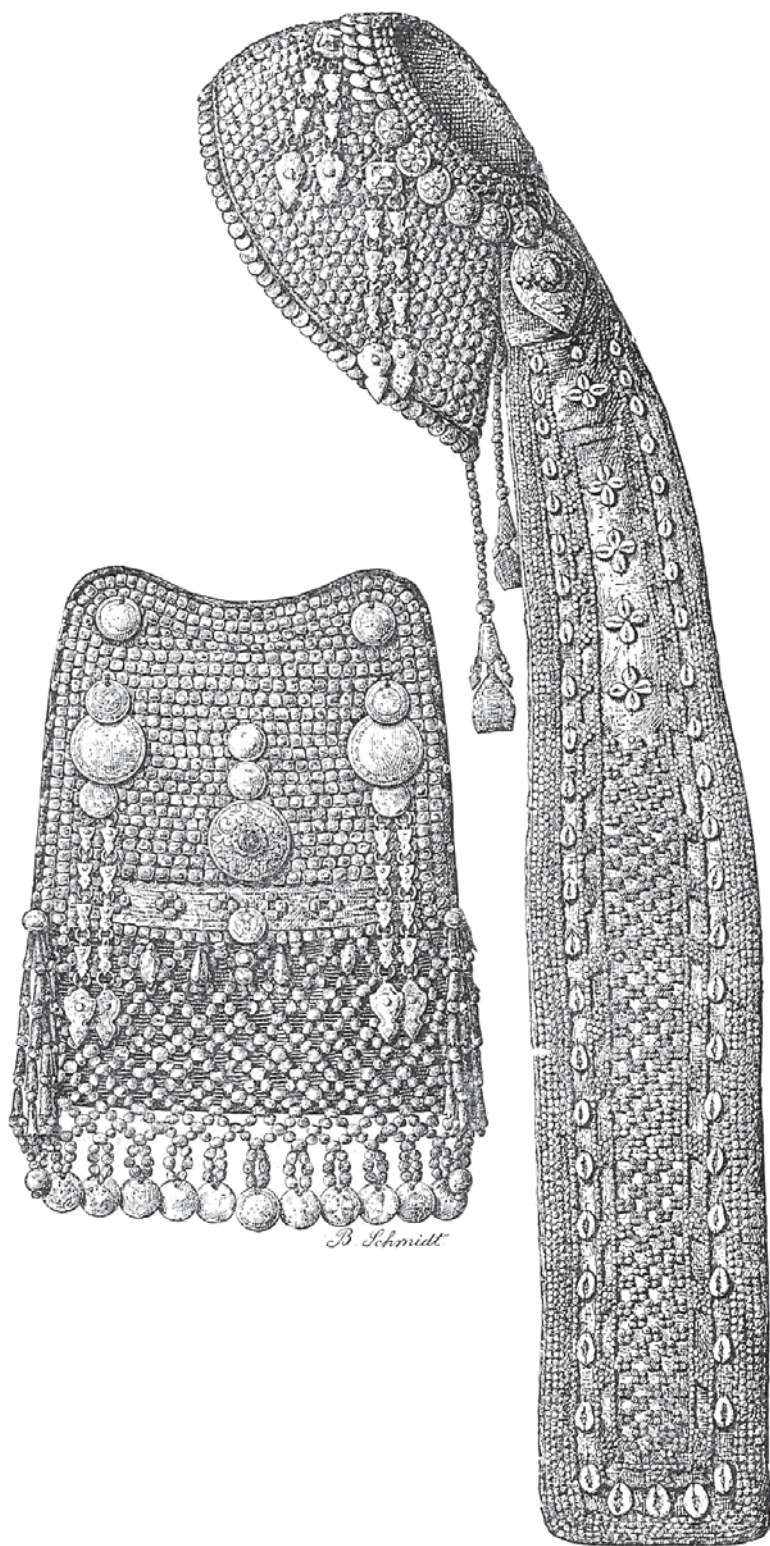

Богатая башкирка въ дорогомъ національномъ костюмѣ.

состоитъ только изъ мѣрныхъ движеній съ притоптываніемъ каблуками. Своихъ пѣсенъ у пермяковъ почти нѣтъ, обыкновенно-же поются русскія, съ пермяцкимъ односложнымъ припѣвомъ.

Послѣдній долгъ, отдаваемый ближнему похороны—у пермяковъ имѣютъ свои особенности. Пермякъ считаетъ грѣхомъ класть мертвыхъ на столъ, а потому ставитъ на лавку или даже на полъ. Въ день похоронъ на гробъ кладутъ красные поясочки, мочало, челнокъ и въ руки умершему мѣдныя деньги. Везутъ покойника къ могилѣ на саняхъ, при чемъ родственники садятся на гробъ и заунывно поютъ, импровизируя. Поясочки дорогою раздариваютъ встрѣчнымъ. Въ могилу съ покойникомъ кладутъ иногда кремень или огниво, тряпки и водку—то, что по ихъ мнѣнію, можетъ пригодиться лежащему. Сани нѣсколько зарываются стоймя или же оставляются прямо на могилѣ. Поминки пермяками совершаются часто, частью изъ любви къ покойнику или боязни, чтобы онъ не пришелъ. Въ эти дни приносятъ сюда вино, брагу, блиновъ и проч., пьютъ и ѣдятъ здѣсь, и части пищи полагаютъ въ ямки на могилѣ, чтобы покойникъ также принималъ участіе въ трапезѣ.

Южная часть нашей области, гдѣ Уральскій хребетъ расплзается на нѣсколько отроговъ, среди которыхъ покоятся плодоносныя равнины, переходящія далѣе въ степь, несетъ названіе Башкиріи. Величаютъ ее такъ потому, что она заселена преимущественно башкирами—отраслью той большой татарской семьи, которая искони вѣковъ кочевала отдѣльными родами на равни-

Головные уборы башкирскихъ женщинъ.

нахъ восточной и средней Азіи. Потомъ они были временно сплочены и вызваны къ могучей, хотя и непродолжительной политической жизни энергіей такихъ вождей, какъ Аттила, Чингизъ-ханъ, Тимуръ и его потомки. Близость башкиръ съ татарами и принадлежность ихъ, по происхожденію, къ одному народу доказывается сходствомъ ихъ языка, а также ихъ привычками, нравами, обычаями, сходными съ татарскими, и вообще преобладаніемъ въ нихъ чертъ, не свойственныхъ финскимъ племенамъ. Хотя они живутъ здѣсь съ глубокой древности, но все же не они были аборигенами этого края. Задолго до нихъ, еще во времена доисторическія, край былъ уже обитаемъ, слѣдами чего остались многочисленные памятники древности, каковы курганы и „кони“; подтверждается это и тѣмъ, что башкирамъ неизвѣстны названія большей части горъ, рѣкъ и урочищъ. Разнообразіе доисторическимъ памятниковъ заставляеть думать, что этотъ край служилъ еще много раньше мѣстомъ жительства народовъ осѣдлыхъ и для кочевковъ номадовъ; они постоянно смѣнялись и уступали земли одинъ другому. Въ преданіяхъ башкиръ сохранились только неясныя воспоминанія. Когда-то они и здѣсь занимали обширныя пространства, ихъ земли доходили до Аральскаго моря, но, тѣснимые киргизами, башкиры были отодвинуты въ нынѣшніе ихъ предѣлы, между 50° и 57° сѣверной широты и 70 — 80° восточной долготы, гдѣ и обитаютъ съ IX вѣка.

Съ покореніемъ Казанскаго царства въ 1552 году, присоединена была къ Россіи и Башкирія, входившая въ составъ

перваго Занимая азіатскія окраины царства, они охраняли ихъ отъ сосѣднихъ татарскихъ и монгольскихъ ордъ; влѣдствіе же обширности обитаемыхъ ими степей и частыхъ столкнове-

ній съ полудикими сосѣдями, башкиры, естественно, гораздо дольше сохранили кочевой или полукочевой образъ жизни, нежели татары, обитавшіе на западъ отъ нихъ. Съ 1557 года, башкиры начинаютъ вносить ясакъ русскому царю, а съ 1586 года русская колонизація на-

двигается на Башкирію съ сѣверо-востока и съ низовьевъ рѣки Урала. Окончательное же водвореніе русскаго элемента произошло здѣсь не ранѣе начала XVIII столѣтія, и это было достигнуто продолжительною борьбою за обладаніе лучшими сибирскими угодьями. Возстанія башкиръ

Группа башкиръ, рабочихъ Ирмельскаго пріиска, Оренб. губ.

плохо отозвались на нихъ, многіе были перебиты и многіе разорены. При взглядѣ на нынѣшнихъ башкиръ, недавнія сказанія про ихъ силу и воинственный духъ кажутся почти невѣроятными. Черезъ сто лѣтъ нельзя узнать этого буйнаго и отважнаго народа.

Оттѣсненныя въ узкія долины Уральскихъ горъ или окруженныя на равнинахъ размножившимся русскимъ поселеніемъ, нынѣшнія башкирскія поселенія имѣютъ видъ небольшихъ островковъ среди разливагося русскаго моря. Забыты всѣ притязанія на безконечный просторъ богатыхъ зауральскихъ степей; безслѣдно исчезъ воинственный національный духъ, вмѣстѣ съ многочисленными стадами и привольемъ отдаленныхъ кочевковъ. Полуголодные, едва существующіе изо-дня въ день, забытые и запуганные, башкиры въ настоящее время представляютъ только тѣнь своего прежняго облика. Теперь нѣтъ возможности ве эти жизнь такъ, какъ жилось прежде. Чтобы имѣть самое необходимое для существованія, приходится обращаться къ земледѣлю.

Башкирскія юрты.

котораго башкиры терпѣть не могутъ,—или идти на такъ-называемые отхожіе промыслы, на заводы, на заработокъ.

Принадлежа къ тюркскому племени, по очертанію лица, башкиры сходны съ азіатскими народностями и ближе всего съ татарами Оренбургскаго края. Они вообще большеголовы, лицо имѣютъ круглое или овальное, подбородокъ сильно выдается впереди, носъ широкій, разстояніе между скулами значительно, глаза съ довольно узкою главною расщелиной, иногда косые, съ приподнятымъ наружнымъ угломъ; цвѣтъ глазъ карій или сѣрый. Цвѣтъ кожи смуглый, иногда блестящій; усы и борода рѣдкіе, жидкіе. Ростъ средній, шея короткая, толстая. Тѣлосложенія башкиры крѣпкаго, худошавы, съ умѣренно развитыми мускулами; изрѣдка широкоплечи. Органы чувствъ — зрѣніе, слухъ — развиты у нихъ до замѣчательной тонкости.

Башкиры.

Здоровье вполне удовлетворительно. Женскій типъ вообще сходенъ съ мужскимъ; между ними встрѣчаются иногда лица съ правильными чертами, лица довольно красивыя.

При всемъ разнообразіи типовъ башкиръ, все же не трудно подмѣтить, что оно сводится къ двумъ главнымъ представителямъ. Наиболее распространенный типъ монгольскій или калмыцкій — типъ степного башкира, а другой, приближающийся по очертанію лица къ кавказскому типу, свойственный многимъ азіатскимъ народамъ — горбоносый, съ длиннымъ лицомъ, высокаго роста—это типъ лѣсного башкира, гористой, лѣсной мѣстности. То же рѣзкое отличіе встрѣчается и въ характерѣ этихъ двухъ типовъ. Лѣсной башкирецъ — гордъ, вспыльчивъ и смѣлъ. „Я тархаль—говоритъ обыкновенно онъ о себѣ—я князь“. Степнякъ—кротокъ и запуганъ. Среди башкиръ не рѣдкость встрѣтить 90-лѣтняго старика, а 80-лѣтніе имѣютъ даже дѣтей. Вообще же они не отличаются плодовитостью: дѣтей у нихъ обыкновенно три—четыре человѣка и большая смертность падаетъ на дѣтскій возрастъ.

Объ умственныхъ качествахъ башкиръ судить довольно трудно, потому что сфера ихъ дѣятельности не такова, чтобы дать возможность проявиться этимъ качествамъ во всей ихъ природной силѣ; но все же нельзя отказать имъ въ природномъ смыслѣ, находчивости и понятливости. Это проявляется у нихъ при разнообразныхъ препятствіяхъ и случайностяхъ, тоже замѣтно и всюду на работахъ, особенно на тѣхъ, къ которымъ они чувствуютъ влеченіе. Здѣсь въ приѣмахъ башкиръ виденъ не только здравый смыслъ, но даже нѣкоторый родъ изобрѣтательности. Вообще умъ ихъ отличается живостью и подвижностью, какъ и вообще весь характеръ; оттого они чувствуютъ большую склонность къ такого рода занятіямъ, гдѣ требуется не одна механическая привычка, а разнообразіе приѣмовъ и личное соображеніе. Лич-

Башкиры.

ный вкусъ и разнообразіе въ занятіяхъ будетъ имъ всегда пріятнѣе монотоннаго хлѣбопашества — это особенность подвижной природы.

Башкиры, исповѣдуя магометанскую вѣру, не особенно строго относятся къ исполненію своихъ религіозныхъ обязанностей. На молитву ходятъ только старики, положенные пять разъ; молодые же ограничиваются двумя разами. Обрядъ омовенія совершенно пренебрегается кочующими. Они держатся еще многихъ повѣрій, оставшихся у нихъ отъ временъ языческихъ: Такъ, въ случаѣ болѣзни, родственники больного башкира отправляются тайно отъ своихъ сосѣдей въ лѣсъ и тамъ жертвоприношеніями умоляютъ злыхъ и черныхъ духовъ. Сохранился у нихъ также обычай, подобно вотскому, изгонять шайтана, во время возвращенія съ кочевковъ, въ отсутствіе ихъ поселившася въ юртахъ.

Миновало для башкиръ то время, когда они безопасно перекочевывали съ своими пожитками и стадами съ мѣста на мѣсто, тогда были они вполне кочевниками. Теперь же они живутъ въ деревняхъ, имѣютъ свои дома, пользуются опредѣленными земельными надѣлами, на ко-

торыхъ нехотя ведутъ свое хлѣбопашество. Постройка домовъ у башкиръ по наружной архитектурѣ ничѣмъ не отличается отъ русской или татарской деревень. Типъ избы тотъ же самый, равно какъ и расположеніе улицъ; но при всемъ томъ каждый, хотя разъ видѣвшій башкирскую деревню, уже сразу отличаетъ ихъ деревни отъ деревень другихъ инородцевъ, ибо дома башкиръ всюду носятъ отпечатокъ какой то неоконченности или полуразрушенія: въ одномъ мѣстѣ недостаетъ воротъ, въ другомъ крыши, почти всюду полуразрушенныя хозяйственныя постройки, однимъ словомъ, въ нихъ не видно той хозяйственной уютности и заботливости, какъ въ русскихъ домахъ. Это, съ одной стороны, объясняется и бѣдностью, плохимъ хозяйствомъ, съ другой—и нерадивостью, отсутствіемъ той любви къ своему жилищу, съ которой обряжаетъ его русскій крестьянинъ. Вообще отсутствіе домовитости есть отличительная черта башкиръ, какъ слѣдствіе ихъ прежнихъ кочевыхъ привычекъ.

Внутреннее устройство домовъ представляетъ также нѣкоторыя особенности. Первое, что здѣсь бросается въ глаза—это устройство печи или чувала, который напоминаетъ собою ка-

Башкирская ловля медвѣдей.

минь, съ прямой трубой и огромнымъ отверстіемъ для дровъ. Меблировку избы составляютъ нары, расположенныя вокругъ стѣнъ и покрытыя войлокомъ; здѣсь же у болѣе зажиточныхъ лежатъ перины и подушки; наконецъ сундуки, самовары съ чайнымъ приборомъ—вотъ и все богатство башкирской избы. Въ чувалѣ находится котелъ, гдѣ приготавливаютъ пищу, тутъ же и стираютъ бѣлье—обыкновенно грязныя и дырявыя тряпки. При употребленіи пищи, башкиры не знаютъ ни ножей, ни вилокъ, которые замѣняются пальцами.

Вообще они нечистоплотны и употребленіе мыла и бани къ нимъ не привилось. Оттого то въ ихъ платьѣ и жилищахъ разводится несмѣтное количество плотоядныхъ животныхъ. Хотя башкирецъ и сталъ осѣдлымъ, но онъ не сроднился еще съ этимъ: стоитъ взглянуть на башкирца въ деревнѣ на *коштѣ*. Подъ конецъ зимы они бродятъ въ деревняхъ, какъ тѣни, изнуренные, апатичные, съ одной надеждой на близкое лѣто; зимою, вслѣдствіе своей крайней безпечности подвергаются всѣмъ крайностямъ, терпятъ голодь и холодъ. Но при первомъ вѣяніи весны они оживаютъ, дѣятельно готовятъ къ отъѣзду, котораго ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Какъ шуменъ и веселъ бываетъ ихъ отъѣздъ; собирается истощенный отъ безкормицы скотъ, лошади впрягаются въ арбы (телѣги), куда складывается вся домашняя рухлядь, другія сѣлаются подъ отдѣльныхъ сѣдоковъ и такимъ образомъ цѣлыми вереницами отправляются въ походъ и размѣщаются — стениаки — въ стениахъ; гдѣ-либо неподалеку отъ воды, а лѣсовики — на лѣсныхъ полянахъ, обильныхъ ручьями водъ. Здѣсь они какъ бы просыпаются отъ летаргическаго сна, становятся веселѣе, подвижнѣе. Черезъ двѣ недѣли коша ихъ уже нельзя узнать. Въ башкирцѣ пробуждаются старые инстинкты и склонности, является юморъ, отвага, гордость въ движеніяхъ, даже самый наружный видъ ихъ измѣняется. Пустѣютъ въ это время ихъ деревни и не остается въ нихъ не только ни одной души, но даже и собакъ, которыя составляютъ неразлучныхъ спутниковъ своихъ хозяевъ.

По прибытіи на мѣсто кочевки, башкиры принимаютъ устраивать свои кочевыя жилища,

такъ-называемые *коши*, которые состоятъ изъ войлочныхъ кибитокъ или *алысыковъ*, или просто балагановъ.

Выбравъ мѣсто подъ кибитку, которая впрочемъ достояніе только богатыхъ башкиръ, ставятъ рѣшетки, вышиною аршина въ два, укрѣпляютъ ихъ деревяннымъ кругомъ, обтянутымъ войлокомъ; затѣмъ на нихъ ставятъ наклонно другія рѣшетки—для образованія свода, вверху котораго вставляютъ деревянный кругъ; скрѣпляютъ все это шерстяными шнурами и наконецъ весь этотъ остовъ обтягивается бѣлыми кошмами, прикрѣпляемыми веревками. Верхнее отверстіе служитъ вмѣсто окна и трубы, такъ что въ цѣломъ составѣ своемъ кибитка представляетъ форму правильную, сферическую и сверху совершенно круглая. Посреди кочевой кибитки вырывается въ землѣ углубленіе, въ которомъ разводится огонь для приготовленія пищи и освѣщенія кибитки во время ночи. Внутри кибитки размѣщается весь домашній скарбъ.

Аласыкъ или *алачыкъ*—по просту кибитка—состоитъ изъ четырехъ лубочныхъ полотень, нашитыхъ веревками на планки, и представляетъ собою балаганъ. Верхніе концы лубковъ загибаются къ общему центру, образуя закругленную крышу. Съ одной стороны стѣнки—узкое отверстіе для двери, гдѣ навѣшивается также лубокъ.

Покончивъ съ этими работами, башкиръ отказывается отъ всякаго труда. По мѣрѣ того, какъ отбѣдается скотъ его и даетъ больше продуктовъ, увеличивается и потребление ихъ. Башкиръ хотя на пищу не разборчивъ, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ свою національную кухню. Главнымъ пищевымъ матеріаломъ у нихъ служитъ конское и баранье мясо, затѣмъ молоко и его продукты, и наконецъ раз-

Группа Башкиръ возлѣ кибитокъ въ лѣтнее время.

ныя крупы и мука. Самая обыкновенная пища—*салма*—отварное тѣсто кусочками съ солью; *гуръ-паря*—пирожки съ рубленнымъ мясомъ и саломъ; *бишъ-бармакъ*—вареное тѣсто съ мясомъ и саломъ; *крутъ*—затушенный творогъ, родъ сыра; затѣмъ различные виды молока и т. п. Излюбленный напитокъ ихъ—кумысъ—приготавливается изъ кобыляго молока, которое служитъ отличнымъ питательнымъ средствомъ. При изобиліи продовольствій башкиры доходятъ до обжорства, нѣтъ ихъ—они равнодушно довольствуются скудной пищей. Упиваясь кумысомъ на полномъ привольи, въ обстановкѣ, соответствующей требованіямъ его души и тѣла, башкиръ скоро дѣлается полнымъ и цвѣтущимъ. Но не всѣ башкиры, при современномъ крайне плохомъ экономическомъ положеніи, имѣютъ возможность лѣтомъ выѣзжать на кочевку. Силошь и рядомъ теперь нѣтъ у нихъ ни овцы, ни лошади, никакого имущества, кромѣ дырявой рубахи и лаптей. Но потребность къ комфорту у нихъ не замираетъ. Чуть завелись деньги—первымъ дѣломъ явится чай, какая-нибудь цвѣтная съ разводами рубаха и башкиръ счастливъ и доволенъ. Пока есть деньги, онъ лежитъ дома, ничего не дѣлаетъ и только голодъ вновь заставляетъ идти его въ работники.

Одежда башкиръ сходна съ одеждой татаръ и состоитъ изъ длинной холцовой рубахи съ откладными воротниками и шароваръ—выбойчатыхъ или холцевыхъ. Поверхъ надѣваютъ чекмень (кафтанъ) или халагъ, преимущественно изъ темнозеленой китайки. Голову покрыв-

ваютъ низкой войлочной шляпой съ загнутыми вверхъ полями. На ногахъ носятъ *шиги* изъ козловой кожи съ галошами или желанти. Зимю прячутся въ тулупы и шапки, отороченныя мѣхомъ. Башкирки носятъ также холщевыя рубашки, вышитыя вокругъ ворота и рукавъ алаго цвѣта нитками. Сверхъ рубашки надѣваютъ платье—родъ кафтана, зимю съ рукавами, а лѣтомъ безъ нихъ; платье это увѣшивается вокругъ ворота и на груди серебряными монетами. Подобно татаркамъ носятъ и шаровары. На ногахъ или сафьяновые башмаки на высокихъ каблучкахъ, или же лапти, смотря по состоянію. Дѣвушки ходятъ съ открытой головой, а замужнія башкирки надѣваютъ на голову *кажбовъ* — шапочку, унизанную мелкимъ краснымъ бисеромъ. Весьма рѣдко встрѣчается щегольскій нарядъ — *калябашъ*, шлемообразная чешуйчатая шапка съ длиннымъ и широкимъ хвостомъ, сплошь увѣшанная серебряными монетами.

Башкиры очень гостепримны и угощаютъ всѣмъ, что у нихъ есть. По прїѣздѣ гостя, башкиръ рѣжетъ и жаритъ цѣлаго барана; если лѣтомъ, то приноситъ нѣсколько ведеръ кумыса въ кожаныхъ мѣшкахъ или *турсукахъ*, гдѣ онъ сохраняется, и созываетъ сосѣдей для участія въ пиршествѣ.

Религіозныхъ празднествъ и народныхъ увеселеній у башкиръ много. Особенною торжественностью отличается праздникъ *сабанъ*, въ началѣ весны и *зимъ* или джинъ лѣтомъ, уже на кочевкахъ.

Заключеніе брака у башкиръ основано на взносѣ со стороны жениха выкупа за невѣсту или *калыма*, который иногда бываетъ весьма значителенъ. Уплативши половину, женихъ уже можетъ считать невѣсту своею женою, но до уплаты остальной части она все же остается въ домѣ отца, такъ что бываетъ нерѣдко, что въ періодъ уплаты у молодыхъ идетъ прибавленіе семьи, и затѣмъ женихъ переводитъ къ себѣ въ домъ невѣсту уже съ дѣтьми. Башкиры имѣютъ иногда нѣсколько женъ, смотря по состоянію. Обряды и празднества по случаю свадьбы весьма не сложны и сходны съ татарскими. При рожденіи ребенка мулла прочитываетъ молитвы и даетъ имя; надъ младенцами мужского пола, въ періодъ до пятилѣтняго возраста, — довершается однимъ изъ членовъ семьи обрѣзаніе.

Надъ тѣломъ умершаго башкира, мулла читаетъ молитвы изъ корана, послѣ которыхъ на коврѣ и носилкахъ переносится на кладбище. Покойникъ, завернутый въ бѣлый саванъ, кладется къ одной сторонѣ могилы, въ сдланномъ углубленіи, лицомъ къ югу. Гробовъ у нихъ нѣтъ, а подстилаютъ сѣно или траву. Кочующіе башкиры отвозятъ своихъ покойниковъ на кладбище верхами; тѣло, привязанное къ доскамъ, укрѣпляется между двумя лошадьми. Въ похоронныхъ процесіяхъ участвуютъ одни мужчины; поминки совершаются нерѣдко. Общее же поминовеніе усопшихъ бываетъ лѣтомъ, около времени посѣва хлѣбовъ. Братъ умершаго наследуетъ по закону права мужа на его вдову, ибо за нее заплаченъ калымъ, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія.

Нравственныя качества башкиръ вообще не привлекательны, что вполне объясняется историческими условіями ихъ жизни. Они лѣнны, склонны къ праздности, легковѣрны, подозрительны и скрытны. Воровство у нихъ считается не послѣднимъ средствомъ къ пріобрѣтенію: къ нему не прибѣгаютъ только зажиточные. Полукочевые башкиры еле влачатъ свое существованіе; они нищѣ добывающіе заработка лишь въ тѣхъ размѣрахъ, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Несравненно выше стоятъ башкиры осѣдлые, поддавшіеся уже значительному обрусѣнію. Между ними зажиточность не рѣдкость.

Оканчивая нашъ очеркъ инородцевъ Уральской области, бросимъ общій взглядъ на ихъ расселеніе. Насколько разнообразны физико-географическія условія нашего края, настолько же разнообразно и его населеніе. На дальнемъ сѣверѣ, въ пустынной тайгѣ, гдѣ къ дѣвственной природѣ еще не прикоснулся культурный человѣкъ, мы находимъ обитателей — дикарей, каковы вогулы, ведущихъ первобытнѣйшій образъ жизни. На противоположномъ концѣ Урала, гдѣ уже врѣзываются между его отрогами песчанья степи, тамъ, благодаря обширнымъ и обиль-

нымъ пастбищамъ, инородецъ-обитатель сохранилъ еще кочевую, бродячую жизнь. Во всей же остальной площади нашего края всѣ инородцы какъ финскаго, такъ и другихъ племенъ, вполнѣ уже осѣды, занимаются хлѣбопашествомъ и различными ремеслами и при постоянномъ воздѣйствіи на нихъ русскаго народа, колонизація котораго охватила инородцевъ со всѣхъ сторонъ, постепенно утрачиваютъ свои національныя особенности, вслѣдствіе заимствованій мало-по-малу поднимаются въ культурномъ отношеніи и постепенно ассимилируются съ господствующимъ племенемъ.

С. Ѡ. Свободинъ.

